DOI 10.15826/izv2.2017.19.3.051

УДК 811.161.1'373.2 + 811.161.1'374.3

О. Е. Фролова

Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
Москва, Россия

О КОННОТАЦИЯХ СЛОВ АРИСТОКРАТ, БАРИН, БУРЖУА И ИХ ДЕРИВАТОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье описываются номинации представителей разных слоев общества, приобретающие переносные характеризующие значения, — *аристократ*, *барин*, *буржуа*. Проанализированы словарные толкования в словарях русского языка, прямые и переносные значения данных единиц. Рассмотрены личные и абстрактные существительные, а также прилагательные. На материале Национального корпуса русского языка показана активизация характеризующих значений личных существительных, прилагательных и абстрактных существительных. У слов *аристократ*, *барин* и *буржуа* по-разному формируются переносные значения дериватов. В группе слова *аристократ* отрицательные коннотации отмечаются в переносном значении личного существительного, но не у прилагательного и абстрактного существительного. В словообразовательном гнезде слова *барин* отрицательные коннотации присутствуют в переносных значениях всех трех единиц: личного существительного, прилагательного и абстрактного существительного. В третьей группе *буржуа* возникает специальное личное существительное с негативным характеризующим значением *буржуй*. Употребление прилагательного *буржуазный* демонстрирует изменения в коннотациях. В советскую эпоху прилагательное имеет идеологически негативную оценку, в постсоветскую эпоху наблюдаются употребления с положительными коннотациями. В начале XXI в. существительное *буржуазность* демонстрирует как положительно маркированные, так и отрицательно маркированные контексты, однако прототипически все же связано с отрицательной оценкой.

К л ю ч е в ы е с л о в а: социальная стратификация; социальный статус; толковый словарь; словарные пометы; метафора; коннотация; личное существительное; относительное прилагательное; абстрактное существительное; краткая форма

© Фролова О. Е., 2017

прилагательного; маркер «в хорошем смысле»; амбивалентность; Национальный корпус русского языка.

Социальная стратификация изучается, прежде всего, социологией [Радаев, Шкаратан] и уже затем лингвистикой [Ерофеева; Крысин, 1988; 2004; Сушкова-Ирина].

Наличие или формирование социального компонента значения слова — следствие профессиональной и социальной дифференциации языка [Крысин, 1988], однако в речи происходит и противоположный процесс — на основе номинативного значения единиц, описывающего структуру общества, возникает характеризующее, когда слово тяготеет к выполнению оценочной предикатной функции. В изменении частотности употребления прослеживаются пики актуализации, которые можно назвать тенденцией одобрения или порицания в зависимости от характера метафоры и коннотаций [см.: Балашова].

Л. В. Балашова пишет: «Чрезвычайно активно подвергается метафоризации семантическое поле “Социальная структура общества”, куда включаются номинации классов, сословий различных социальных и государственных систем. Интересно, что наиболее регулярно в социолектах используются наименования привилегированных слоев населения» [Там же, с. 281]. Мы бы сказали, что метафоризация приводит к появлению новых значений у лексических единиц социальной стратификации, употребление которых выходит за пределы социолектов. Слова в новых значениях становятся частью общелитературного языка.

Номинации социальных статусов человека отражены в лексике языка и, как следствие, в словарях. Обращение к нескольким из них позволяет проследить динамику формирования переносных значений. Сравнение толкований в словарях дает возможность показать изменение в семантике на протяжении XX в., анализ употребления по Национальному корпусу русского языка показывает степень острой новизны или же, напротив, привычности прямого и переносного значений слова.

Социальная структура общества описывается идеографическими словарями. Однако существующие лексикографические издания такого раздела не содержат.

В пятом томе «Русского идеографического словаря» выделен раздел «Народ, власть», а нем три подраздела: «Толпа», «Власть» и «Суд» [РИС, 5b]. Единицы, описывающие общество, попадают во все три подраздела, однако главным образом сосредоточены во втором и третьем¹.

Л. В. Балашова выделяет несколько семантических полей, которые описывают социальную структуру общества в различных аспектах: «Государственно-политическое устройство», «Хозяйственно-экономическая деятельность социума», «Политика и идеология» [Балашова, с. 277–284].

¹ См. в нашей статье «Нижняя ступень социальной иерархии и ее семантическое переосмысление» (в печати).

На наш взгляд, в поле социальной стратификации должны входить единицы, помещенные в обе рубрики, приведенные в словаре Н. Ю. Шведовой, а также семантические поля, выделенные Л. В. Балашовой, касающиеся устройства государства, его экономики и политики: а) глаголы, описывающие власть и зависимость одних людей от других; б) имена существительные, являющиеся номинациями классов, социальных слоев и групп; в) имена, называющие представителей социальных групп; г) имена, называющие общественно-политические и экономические институты; д) отыменные прилагательные, образованные от личных существительных: *зависеть, подчиняться, властвовать, управлять, владеть, судить, армия, аристократия, боярство, дворянство, гильдия, интеллигенция, купечество, мещанство, чиновничество, флот, пролетариат, полиция, элита, холопство, рабство, суд, царь, император, монарх, правитель, великий князь, аристократ, боярин, дворянин, землевладелец, интеллигент, помещик, барин, барство, купец, крестьянин, раб, холоп, офицер, солдат, чиновник, мещанин, президент, матрос, законодатель, депутат, предприниматель, жандарм, урядник, люмпен, рабочий, пролетарий, пенсионер, судья, крепость* (форма зависимости), *аристократический, боярский, дворянский, мещанский, купеческий, помещичий, чиновничий, крепостной, крестьянство, крестьянский, рабский, пролетарский, элитарный*².

Мы проанализировали несколько групп однокоренных слов: личные существительные, образованные от них прилагательные и субстантивные дериваты с абстрактным значением. Предметом наших наблюдений стали слова *аристократ, барин, буржуа*, прилагательные *аристократический, барский, буржуазный* и существительные *аристократизм, барство, буржуазность*. Выбранные существительные отражают социальную стратификацию общества. Относительные прилагательные позволяют описывать довольно широкий круг предметов, ситуаций и явлений. Абстрактные существительные выступают как имена признаков, сохраняющих смысловую связь с производящей основой, но уже отчасти отделившихся от собственно социальной тематики.

Формирование переносных метафорических значений у лексических единиц рассматривается в лингвистике с позиций стилистики, языковой образности, оценки, логического анализа, когнитивистики [Lakoff; Lakoff, Johnson; Метафора в языке и тексте; Арутюнова, 1990; Теория метафоры; Складаревская; Балашова]. Нас интересует тот тип метафоры, который Н. Д. Арутюнова назвала образным [Арутюнова, 1978]. «Выйдя из идентифицирующей по своему основному назначению лексики, метафора обычно в нее не возвращается. Метафора в этом случае есть ресурс, к которому прибегают в поисках образа, способа индивидуализации или оценки предмета, смысловых нюансов, а не в погоне за именем» [Там же, с. 334]. Л. В. Балашова считает социальную метафору самой динамичной

² Разумеется, приведенный список не претендует на исчерпывающую полноту. О понимании значения слова элита см.: [Фролова].

в диахронии и отмечает в качестве отличительной черты «тенденцию к постоянной оценочной характеристике именуемых явлений» [Балашова, с. 257].

Посмотрим, как у номинаций социальной стратификации происходит переход от общественного к индивидуальному. Обратимся к словарям. Первое словообразовательное гнездо образуется вокруг заимствованного корня. *Аристократ* — «приверженец, защитник аристократического правления» [Даль, т. 1, с. 22]; «*ирон.* принимающий вид, подражающий приемам аристократа [Грот, т. 1, с. 64]; «*перен.* человек, сторонящийся масс, ставящий себя в исключительное положение; белоручка (*разг. ирон.*)» [Ушаков, т. 1, с. 55]; «лицо, принадлежащее к аристократии (в 1 знач.)» [Ожегов, с. 27]; «привилегированная часть какого-л. класса или какой-л. общественной группы» [МАС, т. 1, с. 45], «*разг.* о человеке изысканном, утонченном, но высокомерном» [БТС, с. 46].

Мы видим колебания и в наличии или отсутствии переносного значения в словарных пометах и в характеризующих семах. Уже в конце XIX в. в словаре Я. К. Грота появляется помета «*ирон.*». Переносное значение описывает Д. Н. Ушаков, С. И. Ожегов же не отмечает переноса. МАС в зоне толкования отсылает личное существительное к прямому значению слова *аристократия* и описывает только оттенок значения. Метафору фиксирует БТС. Колебания семантики, на наш взгляд, значительны: 'подражатель знати' у Грота, 'белоручка' у Ушакова, 'изысканный, утонченный', но 'высокомерный' в БТС.

МАС не отмечает переноса у личного существительного *аристократ*, однако такое значение дается в зоне толкования прилагательного *аристократический* — «свойственный аристократу; изысканный, утонченный» [МАС, т. 1, с. 44].

Некоторые словари отмечают наличие двух абстрактных существительных *аристократичность* и *аристократизм* [Там же], а также двух прилагательных *аристократический* и *аристократичный* [Ушаков, т. 1, с. 55]: первое прилагательное может служить атрибутом в словосочетаниях преимущественно с прямым значением определяемого слова, второе выступает в характеризующем употреблении применительно к более широкому кругу явлений и может образовывать краткие формы. В НКРЯ находим два прилагательных *аристократический*, *аристократичный* и два наречия *аристократически*, *аристократично*.

(1) *Статью и ростом он напоминал графа Игнатьева, а лицом был красивей, и значительней, и, как ни странно, аристократичней, хотя не существовало дворянского рода Прохоровых* (Ю. М. Нагибин. О Галиче — что помнится (1994)) [НКРЯ]³.

(2) *К тому же Алик был аристократично красив, изысканно нежен* (Виктория Токарева. Один из нас (1964–1994)).

Так, в примерах (1), (2), относящихся ко второй половине и концу XX в., встречаем наречие *аристократично* и прилагательное *аристократичный* по отношению к описанию внешности человека.

³ Все примеры, за исключением специального оговоренных, взяты из Национального корпуса русского языка [НКРЯ].

Значение абстрактного существительного словари определяют следующим образом: *аристократизм* — «благородство, благородное изящество (в дворянско-буржуазном обществе)» [Ушаков, т. 1, с. 55]; «в дворянско-буржуазном обществе: поведение, свойственное аристократу, внешняя изысканность» [Ожегов, с. 27]; «свойственная аристократам манера поведения, внешняя изысканность, утонченность» [МАС, т. 1, с. 44]; «благородство поведения; изящество манер» [БТС, с. 46].

Сравнение толкований личного и абстрактного существительных показывает, что последнее не является семантически преемственным по отношению к первому: Ушаков снимает сему 'белоручка' из толкования, *аристократизм* характеризуется лишь положительными качествами: изысканностью, утонченностью и благородством.

Для того чтобы проследить, как меняется характер употребления единиц трех словообразовательных гнезд, мы выделили пять подкорпусов в НКРЯ, отталкиваясь от значимых социально-политических и экономических событий: первый подкорпус 1700—1800 гг. относится к эпохе петровского и послепетровского феодализма, период 1801—1860 гг. охватывает годы сложных общественных потрясений — войны 1812 г., восстания 1825 г., вплоть до отмены крепостного права; в эпоху 1861—1916 гг. после освобождения крестьянства происходит активное формирование новых экономических отношений, заканчивается этот период Первой мировой войной; 1917—1991 гг. относятся к советской эпохе со сломом социальных структур предшествующих периодов, а также с социалистической экономикой; наконец, 1992—2017 гг. — новейший постсоветский период, характеризующийся новой резкой сменой политико-экономических основ государства, установлением капиталистических отношений в экономике, свободным, затем регулируемым рынком. В каждый из выделенных нами периодов (см. табл. 1) происходит изменение социальной структуры общества, что, как мы полагаем, должно отразиться на употреблении интересующих нас единиц.

Таблица 1

Общее количество текстов, привлеченных к анализу (по подкорпусам НКРЯ)

Объем	1700—1800	1801—1860	1861—1916	1917—1991	1992—2017
Количество документов	1 853	2 755	41 490	23 360	45 124
Количество предложений	291 982	1 377 005	4 688 864	9 617 038	8 524 504

Различный объем загруженных текстов затрудняет анализ. Тем не менее, табл. 2 показывает частотность употребления единиц словообразовательного гнезда *аристократ*, *аристократический*, *аристократичный*, *аристократизм*, *аристократичность*. Характеризующие прилагательное *аристократичный* и абстрактное существительное *аристократичность* появляются позднее, чем

единицы с номинативным прямым значением. В советский период сокращается количество употреблений собирательного существительного *аристократия*. Прилагательное же с характеризующим значением *аристократичный* обнаруживает тенденцию к росту употреблений.

Таблица 2

Употребление слова *аристократ* и его дериватов (по данным [НКРЯ])

Лексема	1700—1800	1801—1860	1861—1916	1917—1991	1992—2017
<i>аристократ</i>	3 док., 6 вх.	97 док., 251 вх.	299 док., 571 вх.	346 док., 659 вх.	438 док., 654 вх.
<i>аристократия</i>	6 док., 20 вх.	97 док., 269 вх.	315 док., 684 вх.	276 док., 533 вх.	214 док., 315 вх.
<i>аристократизм</i>	1 док., 1 вх.	18 док., 21 вх.	93 док., 183 вх.	105 док., 156 вх.	85 док., 100 вх.
<i>аристократичность</i>	—	1 док., 1 вх.	14 док., 17 вх.	15 док., 18 вх.	6 док., 6 вхй.
<i>аристократический</i>	13 док., 18 вх.	118 док., 278 вх.	401 док., 1 023 вх.	407 док., 761 вх.	376 док., 511 вх.
<i>аристократичный</i>	—	2 док., 2 вх.	19 док., 25 вх.	33 док., 40 вх.	62 док., 67 вх.

Анализ переносного употребления слов *аристократ*, *аристократический*, *аристократичный* свидетельствует о том, что говорящий ощущает себя ниже на лестнице социальной иерархии, чем объект оценки.

Обратимся к словообразовательному гнезду с русским корнем. *Барин* — «боярин, господин, человек высшего сословия; дворянин; иногда всякий, на кого другой служит, в противоп. слуге, служителю. <...> хозяин» [Даль, т. 1, с. 49]; «хозяин — дворянин в отношении к своему слуге», «вообще господин, хозяин» [Грот, т. 1, с. 115]; «лицо, принадлежащее к господствующим, эксплуатирующим классам (*разг.*, теперь *презрит.*)», «аристократ по привычкам и манерам (*устар.*)», «(в знач. мн. употр. *господа*) хозяин (по отношению к прислуге; *разг. дореволюц.*)», «лицо, принадлежащее к обеспеченному и образованному слою городского населения, интеллигент (*дореволюц. разг. или ирон.*). *Одет барином*», «обращение к лицу интеллигентного вида (*простореч. дореволюц.*)», «человек, избегающий грязной работы, белоручка (*разг. неодобрит.*). *Держит себя барином. Жить барином (разг.)*» [Ушаков, т. 1, с. 90]; «перен. человек, к-рый не любит трудиться сам и предпочитает перекладывать работу на других (*разг.*)» [Ожегов, с. 34]; «*разг.* о человеке, который уклоняется от труда, перекладывает свою работу на других» [МАС, т. 1, с. 62]; «хозяин, господин (обычно в обращении простолюдинов)», «*разг.* о солидном (обычно богато одетом) человеке с важной походкой, степенными манерами», «*разг.* о человеке, ведущем праздный образ жизни, не желающем трудиться или чрезмерно избалованном, изнеженном» [БТС, с. 59].

Показательно толкование Д. Ушаковым значения слова *барин* с помощью существительного *аристократ*. В русском языке в семантике слова *аристократ* отражается сема 'благородное происхождение', а у слова *барин* — 'владелец', 'хозяин'.

У Д. Н. Ушакова обнаруживаем словарные пометы «*презрит.*» и «*неодобрит.*», недвусмысленно свидетельствующие об отрицательной оценке в структуре переносного значения личного существительного. Четыре словаря — Ушаков, МАС, Ожегов, БТС — отмечают 'нежелание трудиться' как отрицательно оцениваемое качество.

Барство — «состояние, быт, звание барина; сословие бар; все общие барские качества, по себе взятые; хлебосольство, тороватость, властолюбие, тщеславие, спесь и пр.» [Даль, т. 1, с. 49]; «звание, достоинство барина», «сословие дворян, особенно землевладельцев, в укоризненном значении», «барские свойства» [Грот, т. 1, с. 117]; «сословие дворян (*пренебр.*)», «*собир.* баре, господа, помещики», «изнеженность, избалованность, свойственная барам (*разг.*)» [Ушаков, т. 1, с. 91]; «барская изнеженность, нежелание работать», «высокомерие, пренебрежительное отношение к людям», «*собир.* помещики, дворяне (*устар.*)» [Ожегов, с. 35]; «*собир.* помещики, господа», «высокомерие, пренебрежение к низестоящим людям, свойственное барам», «изнеженность, избалованность, стремление к праздности, свойственные барам» [МАС, т. 1, с. 62, 63]; «*собир.* в России до 1917 г.: помещики, господа. *Всё московское барство*», «внешность, манеры и образ жизни барина (степенность, праздность, высокомерие и т. п.)» [БТС, с. 60].

Слово *барство* является и собирательным, и абстрактным. Словари последовательно отмечают отрицательно оцениваемые признаки в семантике абстрактного существительного, начиная с Даля — 'тщеславие', 'спесь'; Грот упоминает «укоризненное значение»; Ушаков дает помету «*пренебр.*»; Ушаков, Ожегов и Евгеньева вводят в толкование семы 'изнеженность', 'избалованность' 'высокомерие', 'праздность'. Отмеченная у Даля сема 'хлебосольство' не поддерживается более поздними лексикографическими источниками.

Подобно первому словообразовательному гнезду, группа дериватов личного существительного *барин* включает два прилагательных *барский* и *барственный*, второе из которых является характеризующим, а также два абстрактных имени *барство* и *барственность*. Только последнее из них выступает в качестве номинации абстрактного признака.

Отношения личного существительного *барин* и абстрактных *барство*, *барственность* обнаруживают тесную семантическую связь и содержат отрицательно оцениваемые семы 'высокомерие' и 'нежелание работать'.

Наблюдения над функционированием единиц данного словообразовательного гнезда отражены в табл. 3. Как видим, в советский период сокращается количество употреблений и личного, и собирательного существительных *барин* и *барство*; прилагательное *барственный* и абстрактное существительное *барственность* образовались позже и имеют тенденцию к росту употреблений.

Таблица 3

Употребление слова *барин* и его дериватов (по данным [НКРЯ])

Лексема	1700–1800	1801–1860	1861–1916	1917–1991	1992–2017
<i>барин</i>	42 док., 290 вх.	385 док., 3 387 вх.	1 141 док., 887 вх.	955 док., 4 764 вх.	1 100 док., 2 935 вх.
<i>барство</i>	—	22 док., 35 вх.	105 док., 182 вх.	78 док., 98 вх.	37 док., 47 вх.
<i>барственность</i>	—	—	4 док., 4 вх.	11 док., 12 вх.	5 док., 6 вх.
<i>барский</i>	14 док., 42 вх.	214 док., 727 вх.	564 док., 1 953 вх.	509 док., 1 432 вх.	298 док., 448 вх.
<i>барственный</i>	—	3 док., 3 вх.	16 док., 17 вх.	69 док., 92 вх.	46 док., 54 вх.

Контексты с абстрактными существительными *барство* и *барственность* синонимичны (см. примеры (3), (4)), слова могут быть заменены одно на другое.

(3) ...в то лето Николай Степанович не только неотлучно находился при Берии, но и возглавлял Четвертое управление, секретно-политическое, изучая ржавчину железных людей: похоть, порочные наклонности, пьянство, **барство**, присваивание блестящих безделушек — все, что следовало знать императору, — подустал от низости и не считал нужным улыбаться этим... (Александр Терехов. Каменный мост (1997–2008)).

(4) Основной маской Юрченко за последнее время стало выражение непререкаемой **барственности** (Василий Аксенов. Таинственная страсть (2007)).

Важность социальных статусов и их вербального выражения подтверждает пример (5), поскольку автор предполагает, что адресат поймет игровую оксюморонность его конструкции: *купеческий размах* не совместим с хорошим вкусом и степенностью *барственности*.

(5) Правда, его **барственность** отдавала сейчас купеческим размахом (Ю. М. Нагибин. О Галиче — что помнится (1994)).

Последовательно выраженная отрицательная оценка у личного существительного, прилагательного и абстрактного существительного противоречит выводу Л. В. Балашовой: «в русском языке в целом положительную или нейтральную оценку при переносе сохраняют наименования российских и западноевропейских монархов, а также большинство привилегированных сословий» [Балашова, с. 298].

Позиция говорящего такая же, как и при переносе в словообразовательном гнезде с корнем *аристократ-*, — ниже объекта оценки.

Перейдем к рассмотрению единиц третьей группы. Словообразовательное гнездо *буржуа*, *буржуазия*, *буржуй*, *буржуазный*, *буржуйский*, *буржуазность* является более новым по отношению к двум, проанализированным выше, и, как

следствие, — хуже описанным лексикографически, с нашей точки зрения. Словари XIX в. неточно отражают картину вхождения слова *буржуазия* в русский язык, поскольку оно отмечается уже в XVIII в. и включено в «Словарь русского языка XVIII в.». БАС указывает, что впервые слово *буржуазия* было лексикографировано в «Настольном словаре для справок по всем отраслям знания (Справочном энциклопедическом лексиконе)» Ф. Г. Толля только во второй половине XIX в. [БАС, т. 1, с. 597]. Слово *буржуа* сохраняет неизменяемость как один из признаков неосвоенности иноязычного заимствования русским языком, однако впервые отмечено в прямом значении лишь в XX в. в словаре Ушакова: «лицо, принадлежащее к классу буржуазии» [Ушаков, т. 1, с. 206]. Оттенок значения «о том, кто ведет буржуазный образ жизни, подражает буржуазии» описывает только БТС [БТС, с. 104].

Значение собирательного существительного имеет ряд особенностей: *буржуазия* — «*франц.* мещане, мещанство, горожане, среднее сословие, граждане, обыватели, торговый и ремесленный люд» [Даль, т. 1, с. 143]; «мещане, мещанство, среднее сословие» [Грот, т. 1, с. 294]; «в капиталистическом обществе — класс эксплуататоров, владеющий на правах частной собственности орудиями и средствами производства и извлекающий прибавочную стоимость посредством эксплуатации наемного труда», «в феодальном обществе — сословие горожан (*истор.*)» [Ушаков, т. 1, с. 206]; «в капиталистическом обществе: класс собственников средств производства, существующий за счет прибавочной стоимости, получаемой в результате применения наемного труда» [Ожегов, с. 61]; «господствующий класс капиталистического общества, являющийся собственником орудий и средств производства и живущий капиталистическим доходом, получая прибавочную стоимость эксплуатацией наемного труда» [МАС, т. 1, с. 126]; «класс капиталистического общества, владеющий средствами производства и существующий за счет доходов с наемного труда» [БТС, с. 104].

Включая в зону толкования слово *мещане*, словари XIX в. создают ряд трудностей, поскольку, во-первых, данное слово формирует свое переносное оценочное значение, отмеченное Д. Ушаковым: «*перен.* человек с мелкими, ограниченными, собственническими интересами и узким идейным и общественным кругозором» [Ушаков, т. 2, с. 208]; во-вторых, уже во второй половине XIX в. денотат существительного *буржуазия* «разрастается» и перестает быть равен объему понятия, стоящего за словом *мещане*.

Прилагательное *буржуазный* обнаруживает оценочное значение уже у Грота, но эту тенденцию более поздние словари не поддерживают: «мещанский, простой, несколько грубый» [Грот, т. 1, с. 294]; «свойственный буржуазии» [Ушаков, т. 1, с. 206]; «*прил. к буржуазия*, свойственный буржуазии. *Буржуазная пресса. Буржуазные партии. Буржуазный быт*», «*только полн. ф.* характеризующийся господствующей ролью буржуазии, осуществляемый в интересах буржуазии» [МАС, т. 1, с. 126]; «*только полн. к буржуазия. Буржуазная пресса. Буржуазные партии. Б-ые идеологи*», «*только полн.* характеризующийся господствующей ролью буржуазии; осуществляемый в ее интересах. *Буржуазная революция.*

Буржуазная республика. Буржуазная демократия. Буржуазное общество. Буржуазное государство», «свойственный, присущий буржуазии. Буржуазные нравы, предрассудки. Буржуазный быт» [БТС, с. 104].

Как видим, оценочные семы в толковании значения слова отмечены только Гротом. Важна грамматическая помета при прилагательном у Евгеньевой и Кузнецова — *только полн. ф.*, поскольку данное слово употребляется и в краткой форме, выполняющей предикатную функцию. Фраза «*Он буржуазен*» является оценочной и не описывает ситуацию, когда некто имеет отношение к владению средствами производства и наемному труду.

Что касается абстрактного существительного *буржуазность*, оно не представлено у В. И. Даля, Я. Грота, в МАС. Это слово упоминается только в словаре С. А. Кузнецова при прилагательном *буржуазный* [см.: БТС, с. 104].

Особенность данной группы заключается в том, что переносное значение формируется не у личного существительного, а возникает единица с функционально-синтаксически ограниченным предикатным значением *буржуй* [см.: Виноградов, с. 24]. Впервые это слово отмечается у Д. Ушакова как «презрительное или бранное обозначение буржуа. *Буржуи с нами вкусов разных. Д. Бедный. Первый по Москве алтынник, буржуй — одно слово!* Тургенев» [Ушаков, т. 1, с. 206].

Характер употребления единиц словообразовательного гнезда отражен в табл. 4.

Таблица 4

Употребление слова *буржуа* и его дериватов (по данным [НКРЯ])

Лексема	1700—1800	1801—1860	1861—1916	1917—1991	1992—2017
<i>буржуа</i>	—	10 док., 18 вх.	150 док., 515 вх.	222 док., 436 вх.	122 док., 161 вх.
<i>буржуазия</i>	—	9 док., 31 вх.	187 док., 992 вх.	729 док., 3 958 вх.	275 док., 495 вх.
<i>буржуй</i>	—	—	39 док., 85 вх.	375 док., 1 266 вх.	183 док., 287 вх.
<i>буржуазность</i>	—	—	27 док., 66 вх.	47 док., 76 вх.	50 док., 69 вх.
<i>буржуазный</i>	—	8 док., 9 вх.	248 док., 1 198 вх.	1 370 док., 5 478 вх.	695 док., 1 422 вх.
<i>буржуйский</i>	—	—	1 док., 1 вх.	69 док., 101 вх.	61 док., 83 вх.

Как показывают наблюдения, единицы с характеризующей семантикой *буржуй, буржуазность* возникают позже, в советскую эпоху наблюдается резкий рост их употребления.

С целью определения характера переносного значения в Национальном корпусе русского языка был задан поисковый запрос с прилагательным *буржуазный*,

чтобы по характеру сочетаемости с определяемым словом выявить положительно и отрицательно маркированные словоупотребления. Среди первых — *прогрессивно буржуазное требование национализации земли*, вторые многочисленнее и разнообразнее: *буржуазный невзыскательный вкус, буржуазное развращение, самодовольная буржуазная маска, буржуазный страх, буржуазная спячка, весьма буржуазное и малоосмысленное существование, мещанская мораль о буржуазном счастье*.

Корпус обнаружил ряд параллельных, отрицательно маркированных контекстов с прилагательными *мещанский* и *буржуазный*: *мещанский / буржуазный вкус, образец, стиль*.

Отрицательная оценка в семантике прилагательного обнаруживается уже в примере (6), датированном второй половиной XIX в.

(6) *Много глупого, надменного, буржуазного* разумелось под этим словом, но сущность его истинна (А. И. Герцен. Былое и думы. Часть четвертая. Москва, Петербург и Новгород (1857)).

Для советского периода характерны употребления словосочетаний с прилагательным *буржуазный*, отражающие идеологическое и политическое противостояние двух систем (см. пример (7)).

(7) В языке дореволюционной интеллигенции (главным образом дворянской и **буржуазной**) существовал только первый (старый) тип спряжения (т. е. *пеку, печёшь* и т. д.); если бы дореволюционный интеллигент стал бы *спрягать* *пеку, пекешь* (например, сказал бы о своей кухарке, что «пекет пироги»), то на него посмотрели бы в его кругу как на недостаточно образованного человека, как на человека низшей марки, над ним смеялись бы (Л. П. Якубинский, А. М. Иванов. О теоретической учебе писателя (1932)).

Пример (8) связан с порицаемым в советское время стремлением к обогащению.

(8) *Я сейчас принесу другое! — Тут она почему-то стала шептать: — Я вам дам одно кольцо, старинное, с сапфиром. Вы же любите буржуазные вещи? Золото?* (Юрий Трифонов. Дом на набережной (1976)).

В постсоветскую эпоху обнаруживаются полемичные по отношению к недавнему прошлому положительно маркированные контексты (см. пример (9)).

(9) **буржуазные ценности** — сперва в виде чистого белья и хорошей еды на тарелке, а потом и более тонкие вещи, интеллигентского обихода: доброжелательность и сдержанность, чистоплотность не только внешняя, но и внутренняя, называемая порядочностью, и чувство юмора, смягчающее все ситуации, в которых другие, знакомые Толе люди, начинали ссориться, кричать, даже драться, — все эти ценности, физические и духовные, Таня теперь предавала, заявив своим новым поведением: *плевать я хотела на всё ваше мироустройство!* (Людмила Улицкая. Казус Кукоцкого [Путешествие в седьмую сторону света] // «Новый Мир», 2000).

Автор неслучайно сближает прилагательные *буржуазный* и *интеллигентский*, соотнося порядок и опрятность с первым, а внутренние качества человека — со вторым.

Вопросы, на которые не дают ответа словари: а) присутствует ли оценочное значение в семантике абстрактного существительного, или его надо интерпретировать как идеологическое?; б) какова семантика данного слова?

Первое употребление слова *буржуазность* по НКРЯ обнаруживается у Н. Г. Чернышевского (см. пример (10)).

(10) *чуть ли не половина компании даже слушала спор Дмитрия Сергеевича с двумя студентами, самыми коренными его приятелями из всех младших его приятелей; они отыскивали друг в друге неконсеквентности, модерантизм, буржуазность, это были взаимные опорочиванья; но, в частности, у каждого отыскивался и особенный грех* (Н. Г. Чернышевский. Что делать? (1863)).

Очень близко по времени НКРЯ фиксирует сходное употребление у А. И. Герцена (см. пример (11)).

(11) *«Женщина эта меня не любит, — говорил он, — да и не может любить; то, что она понимает во мне и ищет — скверно, а что во мне есть хорошего — для нее китайская грамота; она испорчена буржуазностью, с своим внешним Respektabilitatem, с мелким фамилизмом, мы замучим друг друга, это для меня ясно»* (А. И. Герцен. Былое и думы. Часть пятая. Париж — Италия — Париж (1862—1866)).

Примеры (10) и (11) объединяются отрицательными коннотациями абстрактного существительного.

Контексты начала XX в. демонстрируют различную актуализацию существительного, обращенного к бытовой и духовной сторонам жизни человека. Н. А. Бердяев выделяет философский и неконформистский аспекты буржуазности (см. примеры (12), (13)).

(12) *Господствующая мораль, связывающая себя с христианским сознанием, вся насквозь проникнута буржуазно-демократическим приспособлением к условиям этого мира. Буржуазность — основная моральная категория. В понятие буржуазности здесь, конечно, вкладывается смысл религиозно-метафизический, а не социально-классовый* (Н. А. Бердяев. Смысл творчества (1913—1914)).

(13) *Русский человек с большой легкостью духа преодолевает всякую буржуазность, уходит от всякого быта, от всякой нормированной жизни* (Н. А. Бердяев. Душа России (1915)).

Пример (14) можно рассматривать как своеобразный комментарий к словопотреблению Бердяева: с двумя аспектами *буржуазности*, сформулированными несколько иначе — экономическим и культурным.

(14) *Культурная «буржуазность», обезвечивающая жизнь и понижающая уровень человеческой личности, по его мнению, была таким же великим несчастьем XIX столетия, как и буржуазность, понимаемая в экономическом смысле* (В. М. Шулятиков. Критические этюды [О Бердяеве] // Курьер, 1901).

С другой стороны, по-видимому, *буржуазность* в начале XX в. рассматривается как основа устойчивости или стабильности жизни (см. пример (15)).

(15) *Буржуазность есть приспособление к мировой данности в целях устройства, спокойствия и безопасности в этом мире* (Н. А. Бердяев. Смысл творчества (1913–1914)).

Положительно маркированные контексты начала XXI в. представлены примерами (16–18). Некоторые из них взяты из статей глянцевого журнала «Домовой», положительные коннотации связаны с благоустройством жизни. Буржуазность в данных примерах ассоциируется с европейским стилем жизни, эстетикой, демократическим устройством государства.

(16) *Кабанова Ольга. Новая русская буржуазность. Московская архитектура стала удивлять европейскими традициями* (Ольга Кabanова. Новая русская буржуазность. Московская архитектура стала удивлять европейскими традициями // «Известия», 2002.07.02).

(17) *В них есть демократичная буржуазность, которая очень подходит нам по духу* (Марина Каминарская. Англоманка // «Домовой», 2002.06.04).

(18) *Казалось, что подобные художественные акции с заселением сквотов, разрушенных домов и прочих непригодных для искусства помещений принадлежат эпохе 90-х и что сегодня в искусстве мода на красоту и буржуазность* (Николай Молок. Леса в лесу. Актуальные художники три дня удобряли Московскую область // «Известия», 2002.09.02).

Наличие амбивалентных контекстов со словом *буржуазность* делает вопрос об оценочной семантике абстрактного существительного более острым. Однако примеры с маркером *в хорошем смысле* свидетельствует о том, что все же у прилагательного *буржуазный* и его субстантивного деривата *буржуазность* наличествует отрицательная оценка (примеры (19), (20)).

(19) *На наших глазах рождается электорат буржуазной (в хорошем смысле слова) консервативной партии* (2016) [Пономарь].

(20) *Все жили довольно скучной, в хорошем смысле этого слова, буржуазной жизнью* (2015) [Кизевальтер].

(21) *Еще нравится то, что эта музыка воплощает в себе нормальность и здравый смысл. Буржуазность в хорошем смысле. Простые ценности для простых людей. Простые слова, универсальный опыт. При этом высокие критерии мастерства, сочинительства, исполнения [Westcoast AOR].*

Итак, мы полагаем, что в значении прилагательного *буржуазный* и существительного *буржуазность* присутствует не идеологический компонент, а именно отрицательная оценка, связанная с конформизмом, потребительским отношением к жизни и приматом материальных ценностей над духовными.

Объясняя особенности отрицательной оценки у слова *буржуй*, Л. В. Балашова включает данное имя в ряд других: «Зазорно предпочесть материальное духовному, а тем более добиваться богатства недозволенными методами, за счет

угнетения других (ср.: *феодал*, *крепостник*, *буржуй*, *пират*, *грабитель*, *разбойник* развивают метафорические значения пейоративной оценки... не в силу того, что приобретают собственность, а в силу того, что обретают ее за счет других)» [Балашова, с. 250]. Картина, с нашей точки зрения, не столь однозначна: действительно, предикатное оценочное *буржуй* имеет сему 'обогащение', однако абстрактное существительное *буржуазность* не касается хищного приобретения материальных благ, а в большей степени описывает конформизм и примат материального над духовным.

Позицию говорящего по отношению к объекту оценки в случае с буржуазностью трудно определить однозначно: для существительного *буржуй* — это взгляд снизу вверх, если же говорящий приписывает кому-либо или чему-либо признаки *буржуазности*, то, видимо, это позиция сверху вниз.

Подведем итоги. Мы рассмотрели три словообразовательных гнезда слов *аристократ*, *барин*, *буржуа* и выяснили, что во всех трех случаях происходит формирование переносных оценочных значений у личного существительного и прилагательного, и, как следствие, возникает абстрактное существительное. Однако в группе слова *аристократ* отрицательно оцениваемые семы присутствуют в переносном значении личного существительного, но не у прилагательного и абстрактного существительного. Для выражения характеризующих значений в данном гнезде возникают прилагательное *аристократичный* и существительное *аристократичность*. Переносное значение личного существительного связано с нелюбовью к труду, а прилагательного и абстрактного существительного — с благородством и утонченностью.

В словообразовательном гнезде слова *барин*, в отличие от первого случая, наблюдается семантическая преемственность между личным существительным, прилагательным и абстрактным существительным. И в этом случае возникают специальные слова для передачи характеризующих оценочных значений — *барственный*, *барственность*. Семантика переноса описывается для этой группы слов как 'изнеженность', 'нежелание работать', 'избалованность'.

В отличие от двух первых случаев, третье гнездо порождает специальное оценочное предикатное существительное *буржуй* с резко отрицательной оценкой. Амбивалентность употреблений прилагательного и абстрактного существительного затрудняет интерпретацию их семантики, однако появление специального маркера *в хорошем смысле* свидетельствует о том, что *буржуазность* связана с отрицательной оценкой. Семантику переносного значения можно описать как 'конформизм', 'тяга к обогащению', 'потребительство'. Наличие положительно маркированных контекстов позволяет предположить, что семантика переноса единиц этого словообразовательного гнезда может претерпевать изменения.

Источники

БАС — Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. / гл. ред. В. И. Чернышев. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1948—1965.

БТС — Большой толковый словарь русского языка / авт. и рук. проекта С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2002.

Грот — Словарь русского языка, сост. Вторым отд-нием Импер. Акад. наук : в 9 т. / под ред. Я. К. Грота, А. А. Шахматова. СПб. : Тип. Импер. Акад. наук, 1891–1930.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Рус. яз., 1978–1980.

Кизевальтер Г. Эти странные семидесятые, или Потеря невинности: Эссе, интервью, воспоминания. М. : Новое лит. обозрение, 2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://books.google.ru/books?id=Sq4vCgAAQBAJ&printsec=frontcover&dq=isbn:5444803976&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwivwdmOmqfSAhUBKpoKHdRVALAQ6AEIHDA#v=onepage&q&f=false> (дата обращения: 29.03.2017)

МАС — Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд. М. : Рус. яз., 1985–1988.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: ruscorpora.ru.

Ожегов С. И. Словарь русского языка. 4-е изд. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1960.

Пономарь О. На наших глазах рождается электорат буржуазной (в хорошем смысле слова) консервативной партии [Электронный ресурс] // VDOME.UA. Оpubл. 14.09.2016. URL: <http://vdome.ua/15-kolonki-i-blogi/9486-oleg-ponomar-na-nashikh-glazakh-rozhdaetsya-elektorat-burzhuanznoj-v-khoroshem-smysle-slova-konservativnoj-partii.html> (дата обращения: 29.03.2017).

РИС — Русский идеографический словарь : в 6 т. [Электронный ресурс] / отв. ред. акад. РАН Н. Ю. Шведова. URL: <http://www.slovari.ru/default.aspx?p=5485> (дата обращения: 29.03.2017).

СРЯ — Словарь русского языка XVIII в. / АН СССР. Ин-т рус. яз. ; гл. ред.: Ю. С. Сорокин. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1984–1991.

Ушаков — Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова М. : Терра, 1996.

Westcoast AOR / Yacht Rock 1970-80s. Обсуждения [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/topic-125143706_33980567 (дата обращения: 29.03.2017)

Исследования

Арутюнова Н. Д. Функциональные типы языковой метафоры // Изв. Акад. наук СССР. Сер. лит. и яз. 1978. Т. 37. № 4. С. 333–343.

Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры / вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой. М. : Прогресс, 1990. С. 5–32.

Балашова Л. В. Русская метафорическая система в развитии XI–XXI вв. М. : Рукописные памятники Древней Руси : Знак, 2014.

Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова // Вопр. языкознания. 1953. № 5. С. 3–29.

Ерофеева Т. И. Субкультура в лингвистическом освещении // Социо- и психолингвистические исследования. 2013. Вып. 1. С. 5–10.

Крысин Л. П. Социальный компонент в семантике языковых единиц // Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка / отв. ред. Ю. Д. Дешериев и Л. П. Крысин. М. : Наука, 1988. С. 124–143.

Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М. : Языки славянской культуры, 2004.

Метафора в языке и тексте / отв. ред. В. Н. Телия. М. : Наука, 1988.

Радаев В. В., Шкаратан О. И. Социальная стратификация. М. : Аспект Пресс, 1996.

Скляревская Г. Н. Метафора в системе языка. СПб. : Наука, 1993.

Сушкова-Ирина Я. И. Динамика социальной стратификации и ее представленность в картинах мира [Электронный ресурс] // Электрон. журн. «Знание. Понимание. Умение». 2010. № 4. Культурология. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/4/Sushkova-Irina/> (дата обращения: 29.03.2017).

Теория метафоры / вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой. М. : Прогресс, 1990.

Фролова О. Е. Элита в новом русскоязычном сознании // Мода в языке и коммуникации : сб. ст. / сост. и отв. ред. Л. Л. Федорова. М. : Изд-во РГГУ, 2014. С. 133–144.

Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind. Chicago : Univ. of Chicago Press. 1987.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago : Univ. of Chicago Press, 1980.

Статья поступила в редакцию журнала 23.04.2017

Фролова Ольга Евгеньевна

доктор филологических наук,
заведующая лабораторией фонетики
и речевой коммуникации
Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, 1,
стр. 51, филологический факультет
E-mail: olga_frolova@list.ru

Frolova, Olga Yevgenyevna

Dr. Hab. (Philology)
Head of the Laboratory of Phonetics
and Speech Communication
Moscow State University
1 — 51, Leninskie Gory, 1
Humanities Building, GSP-1
119991 Moscow, Russia
Email: olga_frolova@list.ru

ON THE CONNOTATIONS OF *АРИСТОКРАТ, БАРИН, AND БУРЖУА* AND THEIR DERIVATIVES IN THE RUSSIAN LANGUAGE

This article describes the names of representatives of different social strata, which acquire metaphorical characterising meanings *аристократ* (Eng. *aristocrat*), *барин* (Eng. *barin, gentleman*) and *буржуа* (Eng. *bourgeois*). The author analyses semantic interpretations of the direct and figurative meanings of these units in dictionaries, examining personal, abstract nouns, and adjectives. Referring to the Russian National Corpus, she demonstrates how the characterising meaning of adjectives and abstract nouns comes to the fore. The figurative meanings of the derivatives of the Russian words *аристократ* (Eng. *aristocrat*), *барин* (Eng. *barin, gentleman*) and *буржуа* (Eng. *bourgeois*) are formed differently. Among the derivatives of *аристократ*, only the figurative meaning of the noun bears a negative connotation but not the corresponding adjective or abstract noun. Among the derivatives of the word *барин*, the figurative meanings of all the three units have negative connotations: the personal noun, the adjective and the abstract noun. In the third group of the *буржуа* derivatives, there appears the noun *буржуй*. The use of the adjective *буржуазный* (Eng. *bourgeois*) demonstrates a change in connotations throughout time. During the Soviet era, the adjective was used with an ideologically negative colouring, and during the post-Soviet era one can notice a positive connotation. In the early 21st century, the noun *буржуазность* has both positive and negative connotations though originally it appears to have been a negative one.

Key words: social stratification; social status; explanatory dictionary; dictionary field labels; metaphor; connotation; relative adjective; personal noun; abstract noun; short form of the adjective; “in the good sense of the word” marker; ambivalence; Russian National Corpus.

- Arutyunova, N. D. (1978). Funktsional'nye tipy metafory [Functional Types of Metaphor]. *Izvestia Akademii nauk SSSR. Seria literatury i jazyka*, 37 (4), 333–343. (In Russian)
- Arutyunova, N. D. (1990). Metafora i diskurs [Metaphor and Discourse] In N. D. Arutiunova (Ed.), *Teoria metafory* [The Theory of Metaphor] (pp. 5–32). Moscow: Progress. (In Russian)
- Arutyunova, N. D. (Ed.). (1990). *Teoria metafory* [The Theory of Metaphor]. Moscow: Progress. (In Russian)
- Balashova, L. V. (2014). *Russkaja metaforicheskaja sistema v razvitii XI–XXI c.* [The Russian Metaphorical System in Its Development between the 11th and 21st Centuries]. Moscow: Rukopisnye pamiatniki Drevnej Rusi: Znak. (In Russian)
- Erofeeva, T. I. (2013). Subkul'tura v lingvisticheskom osveschenii [Subculture in Linguistic Light]. *Sotsio- i psiholingvisticheskie issledovania*, 1, 5–10.
- Frolova, O. E. (2014). Elita v novom russkojazychnom soznanii [Elite in the New Russian-speaking Mind]. In L. L. Fedorova (Ed.), *Moda v jazyke i kommunikacii: sbornik statej* [Fashion in Language and Communication: A Collection of Articles] (pp. 133–144). Moscow: Izdatel'stvo Rossijskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. (In Russian)
- Krysin, L. P. (1988). Sotsial'nyj component v semantike jazykovykh edinits [The Social Component in the Semantics of Language Units]. In Yu. D. Desheriev, & L. P. Krysin (Eds.), *Vlijanie sotsial'nykh faktorov na funkcionirovanie jazyka* [The Influence of Social Factors on the Functioning and Development of Language] (pp. 124–143). Moscow: Nauka. (In Russian)
- Krysin, L. P. (2004). *Russkoje slovo svoie i chuzhoje: Issledovania po sovremennomu russkomu jazyku i sotsiolingvistike* [The Russian Word, One's Own and That of Others': The Study of the Modern Russian Language and Sociolinguistics]. Moscow: Jazyki slavianskoj kul'tury. (In Russian)
- Lakoff, G. (1987). *Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal About the Mind*. Chicago: University of Chicago Press.
- Lakoff, G., & Johnson, M. (1980). *Metaphors We Live by*. Chicago: University of Chicago Press.
- Radaev, V. V., & Shkaratan, O. I. (1996). *Sotsial'naja stratifikatsia* [Social Stratification]. Moscow: Aspekt Press. (In Russian)
- Sklyarevskaya, G. N. (1993). *Metafora v sisteme jazyka* [Metaphor in the System of Language]. St Petersburg: Nauka. (In Russian)
- Sushkova-Irina, Ja. I. (2010). Dinamika sotsial'noj stratifikatsii i jeje predstavlenost' v kartinah mira [The Dynamics of Social Stratification and Its Representation in Different Worldviews]. *Electronic journal "Znanie. Ponimanie. Umenie"*, 4. *Kul'turologia*. Retrieved from <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/4/Sushkova-Irina/>. (In Russian)
- Telia, V. N. (Ed.). (1988). *Metafora v jazyke i tekste* [Metaphor in Language and Text]. Moscow: Nauka. (In Russian)
- Vinogradov, V. V. (1953). Osnovnye tipy leksicheskikh znachenij slova [The Basic Types of Lexical Meanings of a Word]. *Voprosy jazykoznania*, 5, 3–29. (In Russian)

Received on 23 April, 2017